

РАЗДЕЛ II ТЕОРИИ ФЕМИНИЗМА

Гендерная политика и сказки

Анна Наталия Малаховская

Волшебные сказки, этот мир, затейливый и витиеватый, в котором всё не так, как на самом деле (мужественные герои при каждом удобном случае плачут и рыдают, а добренькие папочки без слова отпускают дочерей в опасный путь), – какое отношение могут они иметь к философии вообще и к философии гендерной в частности, а тем более к политике? Самое непосредственное и даже более того: изучение этого мира открывает глаза на такие горизонты, которые людям, замкнутым в привычном патриархатном способе восприятия мира, и не снились. Поэтому в своих работах¹ я стараюсь подойти к этой области с разных сторон, и с той, что на языке моих читательниц и читателей воспринимается как научная, и с той, которая им кажется публицистической или «лирической», чтобы помочь им научиться вмещать и хотя бы слегка понимать открывающиеся перед ними просторы. Потому что привыкнуть к тому, что страшноватая Баба-Яга русских сказок – это не кто иная, как единая в трёх лицах Богиня древности, та самая, которую Тютчев в своих стихах называл Великой Матерью² – ну, да, та самая, которую в раскопках времён двадцатипяти тысячелетней давности находят изображённой с огромными грудями, – для современного человека не легче, чем перевернуться с ног на голову, приложить ухо к Земле и попробовать разобрать, о чём Она говорит. Я вижу такого философа, вижу, как его глаза с усилием хлопают ресницами в пыли, а волосы, сплетаясь с травой, вызывают ассоциации сразу со многими сказочными и литературными реминисценциями (возглас Сони Мармеладовой «поцелуй Землю!»³, слова сестрицы Алёнушки из-под воды о том, что подводные травы сплелись с её волосами...).

Вот тут-то и понять бы! Но не понимают, потому что смириться с таким представлением непривычно, и думать в таком положении неудобно. А куда как просто, казалось бы, уразуметь, что дважды два – не иначе, как четыре, и что огромные груди Богини древности пересказываются в русских сказках с точностью до миллиметра («сиськи на полок» – то есть Бабе-Яге, располагающейся в центре избы «на печи на девятом кирпичи»), приходится подвешивать свои груди туда, куда обычно вешают одежду – на полку, то есть на вешалку (на полку)⁴ – до того невероятны их размеры. Владимир Пропп писал об этом преувеличении органов плодородия при описании образа Бабы-Яги как о признаке «чрезвычайно древних общественных отношений, в центре которых стояла мать...»,⁵ и всё же, смирившись как будто с открытиями, о которых нам поведала его книга *Исторические корни волшебной сказки*, тех выводов, которые следует сделать из этих открытий, мы не делаем. Нам всё ещё до того неудобно думать в таком ракурсе, что мы предпочитаем зарывать голову в песок...

И не видеть, что тем самым мы помогаем победному шествию того самого господина, который без всякого зазрения совести называет себя в сказках Бессмертным – и смерть которого хранится почему-то не в нём самом, а в некоем заколдованном и глубоко секретном месте... Торопясь след в след за этим господином-товарищем, надеясь угодить ему, с «забегающим вперёд послушанием» мы заранее навязываем самим себе приятные ему взгляды и нормы поведения и – по его примеру – продолжаем превращать в лягушек всех Василис Премудрых, которые встретятся нам на пути, – из субъекта действия в объект наших как будто бы исследований, но на самом деле измышлений. Мы продолжаем разрубать на куски то самое Существо, которое даже и в образе лягушки было и осталось воплощением Богини Мудрости. Но Мудрости не поздоровилось от прикосновения к ней топором ли или же стерильным скальпелем всех тех «учёных», а вернее, сотворителей знаний (Wissenschaftler), которые «разъяли» её, «как труп», в то время, как она была ещё живой и плодоносящей и могла бы одарить нас всех неожиданными волшебными подарками. Но мы предпочли неволшебные – те, которые в таком количестве раздаёт Кашей, будь то дипломы или премии, будь то научные титулы или престижные должности. Тут вспоминаются такие большие события на пути уничтожения Премудрости, как буквальное разрывание на куски величайшего философа древности Гипатии Александрийской, которая, в точности, как наша Василиса, действительно мудрее своего отца родилась.⁶ Но убивал её не её отец, отнюдь, а епископ Кирилл, не в одиночку, конечно, а натравив на неё толпу правоверных христиан. Тут мы подошли уже к политике, потому что последователи Кашея (в том числе и христианская церковь) не ограничились убийством одной великой мыслительницы в 416 году, а зверски уничтожили ещё 9 миллионов людей, 85 % из которых были женщинами (и занимались этим геноцидом вплоть до конца 18 века – недалеко от каждого из нас!). Поименно можно было бы назвать Олимпию де Гуш,⁷

которую казнили во время французской революции за то, что она попыталась провозгласить права человека для женщин, и множество других, затоптанных и убитых. Но всё началось с того самого события, которое описывается не в письменных памятниках, а в сказках: с того, как Кашей превратил Василису Премудрую в лягушку и сделал её тем самым пригодной для всех чудовищных экспериментов, которыми баловались его земные представители от инквизиторов до нацистов – и балуются до сих пор.

Отступим на шаг назад и попытаемся разглядеть, какие выводы мы могли бы сделать из тех открытий, которые нам подарил Владимир Пропп в своей книге *Исторические корни волшебной сказки*.

АПОЛОГИЯ

Когда находишься в таком положении – с ухом, прижатым к Земле – многие вопросы, привычные для патриархального богословия в частности и для патриархального сознания в целом, отпадают сами собой. И прежде всего – большая проблема теодицеи. Поэтому своё первое произведение на эту тему, написанное в 1986 году, я в шутку назвала «Апологией Бабы-Яги».⁸ Богиню оправдывать не в чем – она не притворяется вечно добренькой и, что самое главное, не претендует ни на всезнание, ни на всемогущество, и при случае не стесняется сказать прямо и без обиняков:

– Не знаю, голубчик! (как в сказке *Пойди туда, не знаю, куда*). Таким образом, все претензии к религии как к сонмищу изошрённых лицемерий отпадают сами собой. К Богине обращаться за помощью можно, не опасаясь того, что придётся ей жаловаться на неё же саму (как бедному Иову – см. в «Апологии Бабы-Яги»⁹).

ПЕРВАЯ СВЯТАЯ ТРОИЦА¹⁰

В сказках перед нами открывается совершенно особый мир со своими законами, не всегда понятными линейному сознанию. Но ещё Маленький принц Экзюпери говорил, что если идти всё прямо да прямо, далеко не уйдёшь. Если большая часть западноевропейских сказок уже испорчена дихотомичностью мышления, в них добрые феи прекрасны и на вид, а злые ведьмы очень некрасивы, то в русских сказках находимо абсолютно несовместимое противоречие: Баба-Яга на вид не просто некрасива, а прямо-таки ужасна, и, тем не менее, в подавляющем большинстве случаев (в 24-х сюжетах)¹¹ она помогает выйти из беды. Пропаганда, которая, как в анекдоте советской поры, из всего белого делает

чёрное, из чёрного – белое, а из всего вместе – красное, сумела внушить почти всем, что Баба-Яга всегда злая, всегда плохая... А на самом деле?

Баба-Яга (или эквивалентное ей Существо из русских народных сказок, по Проппу: как он писал, иногда Ягой в сказках называется другой персонаж, и, напротив, функцию Бабы-Яги исполняет кто-то другой,¹² например, как в сказке *Пойди туда...*, функцию Бабы-Яги исполняет Старая женщина, царица леса) действительно едина в трёх лицах (или, если прибегнуть к терминологии Проппа, в трёх своих формах).¹³ И это – не умозрительное и непонятно зачем провозглашаемое единство. В отличие от богинь древнегреческой мифологии она не распалась на отдельные ипостаси, на богиню охоты, проводящую испытания (1-я ипостась), на богиню любви и красоты (2-я ипостась) и на богиню мудрости и смерти (3-я ипостась). В русских сказках мы встречаем истинное единство, непостижимое квадратному сознанию – и всё же приходится постигать и расквадрачивать свою голову, изуродованную ведь не от рождения! Это единство проявляется в том, что в тех случаях, когда по функции Богиня является в одной из трёх названных ипостасей, две оставшиеся ипостаси не исчезают вполне, а как бы замирают, отступают и прячутся в тени. Я говорю о том, что её ипостаси проявляются в доминантных или в рецессивных признаках.¹⁴ То есть когда Баба-Яга в сказке *Гуси-лебеди* действительно угрожает съесть братца героини (является по своей функции Богиней смерти – доминантный признак), путь к её дому оказывается райским садом (рецессивный признак Богини любви и плодородия). На то, что это пространство, ведущее к дому Бабы-Яги, не просто плодородное поле, а уходящая в трансценденцию божественная местность, указывает тот факт, что третьим действующим лицом, встречающим героиню на этом пути, после яблони и печки с хлебом, оказывается река, несущая не воду, а молочная река с кисельными берегами – совершенно фантастическое существо; и то, что оно умеет разговаривать и исполняет в этой сказке функцию испытателя и избавителя в одном лице (наряду с яблоней и с печкой – рецессивный признак Богини-испытательницы) могло бы кого угодно заставить призадуматься. Заметим, кстати, что этот путь оказывается на удивление коротким: девочка, прозевавшая гусей-лебедей, пробегает его до избы Бабы-яги и обратно всего за день и возвращается домой с братцем на руках ещё до захода солнца. Заметим и её возраст: ей лет 7-8. Двенадцатилетней Василисе Прекрасной понадобилось намного больше, чтобы дойти до дома Бабы-Яги: она пустилась в путь с вечера и добралась до цели только к ночи следующего дня. На том пути, который пришлось ей преодолеть, уже ничего райского не было (дремучий лес), но и та Баба-Яга, к которой она попала, не была уже Богиней смерти. По своей функции она была Богиней-испытательницей, а рецессивные признаки Богини смерти красовались в виде черепов на заборе вокруг её дома. Был у неё и рецессивный признак Богини любви и плодородия – то «изобилие во всём», которому подивилась Василиса, войдя внутрь страшного снаружи дома. Вернёмся к возрасту

девочки, который в сказке не зря указывается с такой точностью: 12 лет. Пора проходить обряд инициации. Что и делает грозная на этот раз Баба-Яга – испытывает Василису, задавая ей невыполнимые задания – как и в 19 сходных сюжетах. Но в 24-х сюжетах та самая Баба-Яга, о которой и до сих пор ходят самые нелестные слухи, помогает – да ещё как! Без неё девушке из сказки *Финист – ясный сокол* ни за что не вернуть бы себе любимого, а Ивану-Царевичу – Василису Премудрую. Без неё другому сказочному герою ни за что не достать бы молодильных яблок и живой воды из райского сада грозной красавицы Царь-Девыцы (кстати, связанной с Бабой-Ягой прямыми родственными узами).

В сказках этого типа Баба-Яга не только оказывает своим посетителям неоценимую помощь, она и говорит с ними ласково: без тех выпендрёжных грубостей, которыми она провоцирует героинь и героев в тех сказках, где она исполняет функцию испытательницы. Но и в сказках о любви, где Баба-Яга выступает в функции или в ипостаси Богини любви, без рецессивных признаков обеих других ипостасей не обходится: путь к ней длится теперь уже не часами и даже не днями, а годами! И он являет собой уже не райский сад, а мучительное испытание (чего стоят хотя бы только железные сапоги и каменный хлеб!). А внешность самой хозяйки леса, матери всех зверей, рыб и птиц, обнаруживает в этих случаях признаки Богини смерти. Пропп пишет, что она в таких случаях похожа на труп и что её костяная нога заставляет его вспомнить и других подобных ей существ, у которых ноги бывают и похуже...).

Для чего нам нужна мудрость о трёх ипостасях Богини? Может быть, для того, чтобы, очутившись в райской местности, не сидеть, сложа руки и хлюпая молоком с кисельком, а не забывать, что вот тут-то и может подстергать тебя опасность. И, с другой стороны, осознав, что тебе приходится ступать по дремучему лесу в пыточных сапогах и питаться каменным хлебом, не бросать и то, и другое, поддавшись безнадёжности?

БЕЗНАДЁЖНОСТЬ – плод дихотомического сознания, двуцветного способа восприятия мира, представления о том, что любая палка – о двух концах. У палки-то их, концов, может быть, и два, но жизнь – это не палка и даже, как говорится в пословице, не поле, хотя при рассмотрении сказок так и тянет нарисовать карту с лесами и полями, на которой будут обозначены пути к Бабе-Яге. Только благодаря размыканию замкнутого на самом себе двухполюсного сознания оказывается возможным выход из любой, даже самой безвыходной беды – тот выход, который я в своей книге *Наследие Бабы-Яги* называю «третьим путём». И если в наши дни этот выход кажется закрытым (или и на самом деле не срабатывает), то в этом виновата не единая в трёх лицах с её не плоским, а трёхмерным устройством мира, а тот, кто столкнул её с её трона – тот, который отнял у нас право на объёмность мировосприятия, тот, который пытается вполне открыто, нагло и на глазах у всех нас оставить от Земли у нас

под ногами рожки да ножки. Что он и оставил уже от той системы ценностей, на которой основывался порождённый Матерью мир. Поэтому и его самого, как бы не существующего, но всё же, следует искать не в чём-либо ином, а именно в распространяемой им на весь мир системе ценностей.

Руки загибающие, глаза завидующие

Вот именно так он и описывается в сказках, что позволяет нам безошибочно распознать его и в Скупом рыцаре Пушкина, и в Великом инквизиторе Достоевского, и в Кириллове из романа *Бесы* с его мечтой о «вечной земной жизни» и с его вечным чаем (жажда, неутолимая никогда – что прямо наводит на мысль о трёх ведрах воды, которые понадобились его прототипу, чтобы залить беспощадную жажду).

Что именно эти атрибуты, эти качества (такого рода руки и глаза) являются самыми сексуально аппетитными для человечества эпохи неолиберализма – об этом без всякого стыда орёт реклама с экранов телевизоров, со страниц газет и с мешков для упаковки продуктов: по-немецки это выражение звучит несколько неприлично и на русский язык непереводимо как „Geiz ist geil“. Любого порядочного человека от этого выражения корёжит, и всё же оно продолжает звучать, как крик зазывалы. Кашей как секс-бомба наших дней!

Поэтому систему ценностей неолиберализма можно рассматривать с точки зрения исследования сказок.

Вспомним сказку, в которой рассказывается о невероятно могучей и одновременно потрясающе красивой женщине – о Марье Моревне (если судить по её отчеству, она, как и греческая Афродита, родилась из моря). Она царица, живёт во дворце и побеждает в одиночку целые армии. Но всё изменяется, когда она принимает решение сделать «доброего молодца» Ивана-Царевича своим мужем. Когда ей снова предстоит отправиться на войну, она оставляет мужу весь свой дворец, всё хозяйство, и строго-настроено наказывает в один чулан не ходить. Но Иван-Царевич, охваченный любопытством, нарушает запрет, заглядывает в этот чулан и видит там некое существо, которое он тут же распознаёт как Кашея Бессмертного.

Сказка не объясняет, как этот Кашей выглядел и откуда взялось у него такое необъяснимое имя – и что означает это бессмертие. Но уже сам тот факт, что Кашей Иваном был тут же *узнан*, должен насторожить всех, кто знает об исторических корнях волшебных сказок (см. книгу Вл. Проппа – узнаваемость персонажа указывает на его важность).¹⁵ Мы все помним о том, что Иван подал Кашею воды в том самом количестве, о котором Кашей его просил – три ведра, – и что Кашей, напившись вволю, разорвал все цепи, на которых он висел,

вылетел в окно, как страшный вихрь, подхватил Марью Моревну и унёс её к себе во дворец.

Итак, этот старый мужчина слаб только до тех пор, пока «добрый молодец» не подарит ему свою молодую силу (на этом месте мы можем вспомнить о юных солдатах, которых посылает на войну некто, считающий себя бессмертным (будь то гитлер или пол пот – написания с большой буквы никто из них не заслуживает). Но этого старика, считающего себя бессмертным, мы должны рассмотреть как можно внимательнее. Он пахнет затхлостью и плесенью, он уже наполовину сгнил, и всё же он всё ещё бодр – и в наше время бодрее, чем когда бы то ни было.

Как выглядело мироустройство до того, как в наш мир проник Кашей? Что находилось в центре системы ценностей допатриархального мира?

Для стоящей в центре происходящего в русских народных сказках Богини-Матери самое важное «дело» – *Любовь*. Героиням и героям сказок часто приходилось идти долгие годы в железных сапогах и питаясь каменным хлебом в поисках любимых. Когда они появлялись в доме Богини, она спрашивала каждого из них:

– Дело делаешь или от дела бегаешь?¹⁶

И если она получала ответ, что она или он ищет любимого (любимую), она начинала им помогать (и эта помощь срабатывала, не оставалась бесполезной).

А тот старик, которого зовут Кашеем и который считает себя бессмертным, видит всё совсем по-другому. Он перевернул все «старые» ценности, начиная с *Любви*. Он презирает юную прекрасную наследницу (дочь или племянницу) Богини, называет её «бабой-дурой»¹⁷ или, когда она воплощает аспект мудрости, завидует её мудрости до того, что начинает выдавать себя за её отца и превращает её в лягушку. В других сказках он умыкает эту прекрасную женщину и принуждает её к отвратительному сожителству с ним – *садист и извращенец*.

Так или иначе (активно или пассивно) он связан с *несвободой*: либо он держит эту женщину в своём дворце как в тюрьме, либо сам висит в её подвале на 12-ти цепях.¹⁸

Он *аскет*: вначале этот аскетизм недобровольный («10 лет ничего не ел, не пил»),¹⁹ но с переходом этого образа в литературу аскетизм становится в высшей степени добровольным (см. ниже).

Его единственная цель – это ничем не ограниченная *власть*. Сначала он очень ловко пытается перетянуть «доброе молодца» на свою сторону («станем жить дружно, нам весь мир будет покорен»).²⁰

В сказках не нашлось ни одного такого дурака, чтобы переметнуться на сторону Кашея. Но в реальности наших дней?

Стоит только оглянуться, и увидишь, что Кашею давно удалась эта затея: почти все молодые люди (и не только мужского пола!) перебежали на его сторону и надеются насладиться этой властью вместе с ним.

Итак, к его врагам нужно отнести
Женщин
Любовь
Свободу и
Естественную смерть, к его друзьям –
Аскетизм,
неограниченную власть,
тюрьмы и
насильственную смерть, то есть – убийства.

К этим ценностям присоединяются и другие, которые разыскал Пушкин после того, как он, будучи в ссылке, годы напролёт не имел никаких других развлечений, кроме народных сказок.

Пушкин видит Кашея как царя, которого его безмерное богатство доводит до болезни: он пишет об этом в поэме «Руслан и Людмила» («Там царь Кашей над золотом чахнет – там русский дух, там Русью пахнет»),²¹ ещё до этой ежедневной «обработки» сказками в селе Михайловском. В произведении, которое продолжает эту тему, он развивает осознание характера Кашея и его болезни. Я имею в виду маленькую трагедию «Скупой рыцарь». Хотя действие этой трагедии относится к средневековью, ещё лучше оно подходит к нашему времени.

В этом произведении все черты Кашея развиты, вытащены наружу:²² теперь его аскетизм в высшей степени добровольный (он живёт в нетопленном подвале, пьёт воду, ест сухие корки...)²³ Его садизм описывается подробно и исчерпывающе: он сам сравнивает себя с убийцей, который «находит приятность» в том, чтобы всаживать в грудь человеку нож. Для любви к человеку он не находит ничего, кроме циничных издевательств, но свою собственную «любовь» к золотым монетам он ценит очень высоко и даже считает, что эти его чувства не остаются безответными, что его сундуки с золотом ему «верны»!

Но даже и своему «возлюбленному» он не предоставляет полагающейся ему свободы – той свободы, которая присуща золоту с тех пор, как оно стало деньгами: переходить из рук в руки, превращаться из потенциальной энергии в энергию воплощённую. Спустившись в свой подвал с сундуками, он чувствует себя неограниченным правителем:

«**О**тселе

всем миром править я могу», – говорит он. Очевидно, что ему больше не нужна чья бы то ни было дружба для того, чтобы осуществить свои мечты

о неограниченной власти. Но даже и этого он не делает: его власть остаётся мечтой, без какого бы то ни было воплощения. Он представляет себе, что ему будут служить низменные убийцы, что ему будут поклоняться великие гении. Но расстаться ради этого хоть с одним слитком золота? Да ни за что на свете!

Итак, теперь он прикован к своим сундукам уже больше не физически, как в народных сказках, а психически – сундуки получают определение, подходящее только для отношений с людьми, – «верные».

А он сам уже больше не в состоянии понять, на каком он свете, почувствовать себя человеком, а не зверем, привязанным к сундукам: («бегаёт и лает» – говорит о нём его сын) – частично он (скупой рыцарь) уже превратился в сторожевого пса. Вполне естественно, что он отнимает деньги у самых бедных, у вдов и сирот, что он пытается убить родного сына: для него *законы природы*, по которым его сын должен стать его наследником, это *несправедливые законы*. Он говорит, что сын украдёт у его трупа ключи от сундуков. А то, что он, со своей бессмертной любовью к сундукам, однажды должен умереть – это уж просто нечестно. Он представляет себе, как он после смерти уже в виде трупа вернётся к своим сундукам, чтоб охранять их от грабежа – в этих словах звучит мечта о своего рода *бессмертии* – о самостоятельности собственного трупа. Только естественно, что под конец он находит подходящее слово для самоописания и называет себя «демоном» («Как некий демон Отселе править миром я могу»).

Эта откровенно демоническая природа этого персонажа исследуется в русской литературе и после Пушкина: достаточно назвать хотя бы Великого инквизитора из романа Достоевского *Братья Карамазовы*, который в точности как Кашей из сказок десять лет не пил, не ел, но в данном случае вполне добровольно. В точности, как и Кашей из сказок, этот персонаж не вызывает никаких других чувств, кроме отвращения и страха. А в романе Достоевского *Бесы* мы видим даже одного из таких аскетов (Кириллова), который кончает с собой только для того, чтобы выразить свою непокорность природному течению жизни, бросить вызов естественной смерти и достичь «вечной земной жизни». То, что благодаря этому самоубийству другие «бесы» получают возможность безнаказанно убить истинную героиню, воплощение Матери-сырой-земли, только естественно.²⁴

Теперь я хочу очертить контуры тех изменений в системе ценностей, которые принёс этот «герой» в наш мир.

Есть учёные – и я принадлежу к ним, – которые считают, что Кашей – это завоеватель и разрушитель исконного допатриархального миропорядка и присущей этому миропорядку системы ценностей. Я сравниваю его с Зевсом из древнегреческой мифологии, в существовании которого можно найти некоторые па-

раллели с этим образом. И то, что произошло с Зевсом, поможет нам разгадать эту загадочную фигуру из русских сказок.

Обычно о Зевсе знают только то, что он был богом-отцом, который владел громом и молнией. Но эти атрибуты не всегда были в его руках. Сначала они принадлежали его сестре Гере, которую Зевс привязал к постели, изнасиловал и таким образом принудил к браку – и только через этот брак он захватил эти атрибуты.

Эта история в форме мифологической легенды доносит до нас весть из древности о том, как патриархальные орды напали на территорию Греции, изнасиловали или(и) поубивали священниц и решили, что таким образом власть перешла к ним в руки.²⁵

Но во всей этой истории есть одна загвоздка, о которой знали и эти орды: *насильники смогли взять в свои руки власть, но не ту силу, не ту истинную плодородную мощь, которой обладали священницы: они не могли никому подарить жизнь.*

Раньше и у других народов существовали обычаи (например, обычай под названием «кувада»), которые помогали мужчинам представить дело так, будто бы это они рожают детей: во время родов роженицы должны были молчать, в то время как их мужья бесились и оралы так, словно бы это они рожали и терпели родильные муки. Мужчины нарочно повреждали свои гениталии, чтобы доказать, а вернее, представить дело так, словно бы у них менструация. И греческий Зевс играл в те же игры, когда он заявил, что будто бы он родил Афину, богиню мудрости, из своей головы (не перечить богам, которые «рожали» и из других частей тела, – самых разных – и Адам в иудейско-христианской традиции с его рождением Евы из ребра отнюдь не исключение)...

Для людей, которые, как я, родились и выросли в тоталитарных государствах, нет абсолютно ничего странного в такого рода манипуляциях: ясно, что речь идёт о бесстыдной ПРОПАГАНДЕ.

Но вернёмся назад, к нашей попытке докопаться до смысла переворота системы ценностей. Поскольку завоеватели не смогли украсть истинной плодородной силы, настоящей мощи, поскольку в их руках оказалась только Пустая шелуха власти без силы, они сотворили нечто очень простое, что объясняет весь переворот системы ценностей: они сотворили подделку – ЭРЗАЦ. Конечно, не только одну, а много подделок, одну подделку за другой, так, что к нашему времени уже почти всё превратилось в подделку, даже и вода больше не обладает своей присущей ей от рождения внутренней структурой, а о воздухе и говорить не приходится.

Как это могло произойти? Попробуем постепенно размотать этот клубок.

Когда герои сказок приходили к богине, они просили о любви – просили помочь им найти истинную великую любовь – и получали её помощь: благодаря совету этой богини или её подарку им удавалось на самом деле найти любимую и добиться любви. Но старик Кашей не мог предложить молодым людям никакой помощи на этом пути, он не мог никому помочь найти любовь (не забудем, что любовь не представляла для него никакой ценности, а вызывала его язвительные издевательства). Что же он предлагал этим молодым людям? Власть, безграничную власть. Так он начал переиначивать весь мир, перестраивать его согласно своим представлениям. Этот процесс протекал по определённым моделям, которые я называю «формулами Кашея».

Власть или любовь?

Недостаточно того, что Кашей не может предложить доброму молодцу любви: он пытается уговорить молодого человека выбить из головы любовь и за это – вместо любви – получить ценность, которая, по его мнению, гораздо выше любви – власть. Но какого рода эта власть?

Бывает власть и власть. (Власть тоже разная бывает).

Когда мы говорим о том, что согласно той системе ценностей, что нам в нос суёт Кашей, любовь коленкой под зад спихивается и на её место водружается власть, мы как будто соглашаемся признать, что само это понятие – власть – однозначно именно такое, каким его представляет Кашей – «нам весь мир покорен будет» – то есть тоталитарная и попирающая всех остальных. Это – его представление о власти, и почему мы на него согласились и с ним смирились, почему пошли у него на поводу даже и до такой степени, что просто отказались раскинуть мозгами и хотя бы поставить под вопрос вот это его убеждение, которое он нам навязывает?

„ЕСЛИ Б Я БЫЛА ЦАРИЦЕЙ...»

А на самом деле *власть* совсем не обязана быть такой, какую он её расписывает. И за примерами далеко ходить не приходится. Возьмём простейший, да, тоже – из сказки:

«Три сестрицы под окном
пряли поздно вечерком.
«Если б я была царицей,
говорит одна сестрица...»²⁶

Ну, что бы она сделала, если бы была царицей? Покорила бы весь мир? Настроила бы концлагерей по городам и весям? Посадила бы весь народ за колючую проволоку – как завещал Кашей Бессмертный, как учит такая-рассякая партия?

Нет – вот что она предлагает, и у нас, не склонных воспринимать услышанное с детства всерьёз, ушки на макушке не окажутся – а надо бы:

«Я б на целый мир одна Наткала бы полотна!»

Вот это – предложение! Став царицей, главной властительницей, она бы сделала для всего мира не что-то плохое, а что-то, наоборот, замечательное!

Как же это понять?

Но и её сестрица выдвигает ничуть не более зловещее предвыборное предложение: «Я на весь крещёный мир приготовила бы пир!».

Ничего себе! Не будем сейчас углубляться во все расщелины того переходного периода, описанного в этой уже не совсем народной сказке, при котором и той и другой представительнице того мира изобилия (о котором я уже говорила относительно страны фей) оказалось возможным приобрести власть лишь ценой брака с царём. А прислушаемся лучше к самому по себе предложению о том, какую можно представить себе власть: без танков и без атомных бомб, с молочными реками и кисельными берегами, с горами караваев в несущих руках и с сотнями трепещущих на ветру прекрасных полотен.

Ни из какого города тебя не выгоняют, никакой машиной тебя не давят, ни из какого ружья в тебя не стреляют и никакой бомбой издали не грозят.

И это – власть называется?

ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНЬЮ

Попробуем копнуть хоть чуточку глубже и попытаться хотя бы поставить самим себе вопрос: а как это возможно? И на это найдётся подходящая сказка, которая учит как будто бы совсем уж антипедагогично тому, что делать вообще ничего не нужно, а нужно валяться себе на печи и вставать с неё только в самых крайних случаях.

Парадоксальная сказка, которая в унисон с другой сказкой (*Морозко*) учит чему-то невообразимому: та учила девушек – врать, эта молодых людей – предаваться безделью. И надо быть совсем уже нелюбопытным, чтоб не почувать, какой крепкий орешек за всеми этими парадоксами скрывается. Такими нелюбопытными, как та американка, которая возмущалась, что честная девушка в сказке *Морозко* наказана за то, что она говорили правду (ещё бы она возмутилась, что Орфею в мифе нельзя было оборачиваться и открывать лицо!). И тот, и другой парадокс отводят нас к требованиям первого этапа обряда инициации.²⁷

Итак, бездельник и дурак, которого в этом случае звали Емелей, а могли бы и как-нибудь по-другому назвать, раз в жизни слез со своей печи и отправился на реку за водой. И попадись ему тут сразу щука. И не простая щука попалась, а говорящая...

Уже сразу возникает вопрос: а почему бы она не могла попасться на удочку и угодить в лапы к его работающим и умным братьям? Да просто потому, что она-то – сама – умнее их была. И она знала, до чего нелюбопытный это народ, эти непассивные, а слишком уж активные братья, такие трудолюбивые и непроторливые в своих однолинейных (одноколейных) умственных усилиях. Попробовала бы она обратиться со своим предложением к такому расторопному – да она очутилась бы в кипящем котле ещё до того, как успела бы вымолвить первое слово! А ротозей рот-таки и раскрыл – потому всё и услышал, что ему услышать потребовалось!

Формула, которая ему была предложена, была двойной:

«ПО ЩУЧЬЕМУ ВЕЛЕНИЮ, ПО МОЕМУ ХОТЕНИЮ...»

Воля и власть разделены: воля на стороне человека, а власть и сила эту волю осуществить – на стороне царицы подводного мира, представительницы Богини мудрости и смерти. Двухединная формула напоминает о том синергизме, что мы видели и в других сказках, где помогает Баба-Яга: божество делает чудеса не за человека, а вместе с человеком, заодно. Волшебные подарки и советы Бабы-Яги помогают оказавшемуся в беде самому справиться со своим несчастьем.

Интересно, что в современной немецкой криминалке²⁸ как о чём-то само собой разумеющемся говорится о волшебной силе именно щуки. В этом фильме простой финский комиссар знает, почему беглый убийца сжигает на костре внутренности щуки: тем самым он отводит от себя всех тех, кто замышляет против него недоброе, потому что щука – представительница сил смерти. Впрочем, имя режиссёра – Ханно Салонен – указывает на то, что он – из Финляндии и обычаи этой страны знать может.

О механике того, почему Божество сходит именно к неимущим духом, к нищете духовной приклоняется, уже говорилось в книге *Наследие Бабы-Яги*.²⁹ Например, почему в маленькой трагедии Пушкина божественный гений достаётся не дисциплинированному трудуге Сальери, а «гуляке праздному», почти дурачку – Моцарту. Это – один из аспектов, а сейчас я хочу обратить внимание на другой аспект – на аспект самого по себе приобретения власти. Этот другой взгляд на то, чем была и чем может стать власть, – он возможен и на него указывается в сказках, так же, как и на «другой ум» сказочного героя, замеченный Аглаей у князя Мышкина в романе Достоевского *Идиот*.

Итак, мы нашли в сказках два способа приобретения *другой власти*: либо стать царицей или царём через брак, либо пощадить волшебное животное. Для

того, чтобы стать царём или царицей, нужно, прежде всего, почитать умерших родителей (как в сказке *Сивко-Бурка, Василиса Прекрасная*), не есть мяса любимого животного (*Крошечка-Хаврошечка*), влезать в ухо к волшебному животному (*Сивко-Бурка, Крошечка-Хаврошечка*: 2-ой этап обряда инициации).

В сказке о Василисе Прекрасной показывается, что стать царицей возможно, пройдя обряд инициации и получив благодаря этому гениальные способности в области прядения, ткачества и шитья – почти как в приведённых выше строчках из *Сказки о царе Салтане* Пушкина. (Заметим, однако, что в «настоящей», то есть народной сказке, в которой, по моему убеждению, раскрывается религиозная благая весть, упор делается не на *количество* сотканного полотна, как у Пушкина, а на невероятное *качество* этого полотна).

Хочу указать на ещё один аспект приобретения этой другой власти: в некоторых сказках дети приобретают эту власть (становятся царями или царицами) потому, что их покойные родители (мать или отец) им тем или иным способом передают своё таинственное «благословение».

Когда мать, умирая, передаёт своей дочери куколку или отдаёт ей в наследство корову и говорит, что эта куколка или корова будет после смерти самой матери помогать её ребёнку, что она делает? Она простирает свою власть над жизнью ребёнка за пределы своей собственной смерти, распространяет, расширяет свою власть. Но что это за власть? Та власть, которую умирающая мать распространяет на свою дочь, похожа на покрывало, на защищающий плащ: недаром Богородица в католических церквях часто изображается в плаще небесного цвета, которым она, как защитой, окутывает всю землю: ну да, мать берёт свою маленькую дочь под свои крылышки.

Не этого рода власть имеет в виду Кашей, когда он говорит, что добру молодцу весь мир покорится, если он перевернётся на сторону Кашея. Его род власти не имеет ничего общего ни с защитой, ни с любовью, наоборот: любовь разрушается, с этого Кашей начинает свои «подвиги». Для власти первого рода подходило бы название «любящая сила» или «могущественная любовь». А второй род власти мы должны назвать именно так: власть как удар в лицо, как угнетение, унижение. И этому покорению мы обязаны всем тем обстоятельствам, которые мы в наше время находим во всех областях жизни.

Как бы там ни было, а в реальной жизни Кашею удалось убедить почти всех молодых людей, что власть гораздо привлекательнее, чем любовь.

Тому, что при этом и аскетизм (с которым мы уже встречались в сказках) оказывается на высоте, удивляться не приходится. Удивительно только то, что даже так называемые последователи Христа, который с удовольствием пил и ел и наслаждался обществом женщин, так высоко ставят аскезу, считают её особенно благородной ценностью. Для представителей католической церкви скорее допустим безлюбный секс (их часто встречают в борделях) – но истинная любовь,

с их точки зрения, должна быть вырвана с корнем, уничтожена – их терпимости не хватает на то, чтобы допустить такую любовь. В этом пункте становится ясным, кто стоит на какой стороне – хотя эта сторона вопроса не сразу бросается в глаза. Великий инквизитор, так однозначно описанный у Достоевского, что его описание можно считать иконописным изображением Кашея,³⁰ процветал в то самое время, когда католическая церковь ввела это установление (обязательное безбрачие для священников). Что в это же самое время (с середины 13 века) церковная инквизиция начала беспощадное истребление женщин, которые могли бы оказаться особенно «опасными» для живущих в celibate, то есть блиставших красотой, умом или другими способностями, которых диффамировали как «ведьм» – не удивительно.

Что и до сих пор в этой церкви, провозглашающей самой высокой ценностью celibat, процветают разного рода *извращения* (прежде всего педофилия), ясно само собой. Странно, что до России не доходят вести о той невероятной волне («цунами») обвинений, обрушившихся в последние годы на католическую церковь в США, в Ирландии, а в начале 2010 года докатившуюся и до Германии, Франции и Австрии – обвинений в том, что живущие в безбрачии священники насиловали и зверски мучали годами и десятилетиями десятки и сотни тысяч детей, а другие, и епископы в том числе, и тот кардинал Рацингер, что ныне является папой римским, затыкали рот этим жертвам церковного террора и переводили извращенцев в другие приходы – насиловать новых жертв. Ясно и то, что аскетизм вызывает ненасытную *жажду*, которая должна превратиться в жадность – в жадность денег и предметов роскоши – чтобы вынести этот аскетизм: если человек пытается его вынести, а не становится извращенцем или (и) садистом). Ведь всё зависит от того, какой Бог стоит на верхушке миропорядка.

Теперь мы можем разыскать уже две формулы Кашея:

Власть вместо Любви, Жадность вместо Любовного Вожделения,

Вторая ценность, с переименованием которой Кашею удалось ловко справиться, это *плодородие*.

Плодородию поставлены естественные границы. Мать, желающая иметь много детей, никогда не станет мечтать иметь безграничное количество детей, потому что она хочет подарить каждому ребёнку свою нежность, внимание и заботу. Не так обстоит дело с отцом из уже названных орд, который превратил количество детей в дело престижа: он хочет иметь безграничное количество женщин, чтоб получить безграничное количество детей. Ясно, что он не сможет построить тёплые отношения со всеми этими потомками, испытать по отношению к ним добрые чувства. Но в такого рода чувствах он и не нуждается. Он

нуждается в детях как в символе своего якобы плодородия – в пустом изнутри символе. Что за разница, если сравнить его с отцами, о которых говорится в сказках допатриархального периода времени, которые согласны подвергнуть себя смертельным опасностям, только чтоб достать магический подарок для своей дочери! (например, в сказке Финист – ясный сокол, в Сказке о наливном яблочке и особенно в сказке Аленький цветочек), Именно: дело не в том, какого пола родитель, а в том, какой Бог или Богиня стоит на верху системы ценностей.

Вернёмся к последователям Кашея – на этом примере мы видим ещё одну закономерность: ограниченность, основанная на стремлении к существенным, истинным взаимоотношениям, заменяется внутренне кастрированной безграничностью притязаний. Это – безграничность власти, основанная на пренебрежении качеством в пользу количества. Это – ещё одно противопоставление. Важность ограниченности человеческих притязаний по отношению к природе, особенно в последнее время, стоит у нас перед глазами: при этом в сказках то и дело появляются предостережения не брать от плодов природы слишком много. Например, в сказке о молодильных яблоках и живой воде Богиня-бабушка предостерегает героя взять из колодца с живой водой не больше кружки и с яблони с молодильными яблоками из райского сада юной богини сорвать только три яблока – и не больше!

Вот формулы Кашея, вот в какую сторону он поработал, чтобы погубить нашу землю:

Любовь он превратил во **Власть**,
Плодородие в **Престиж**,
Свободный круговорот энергии в **Аскетизм**
(блокаду),
ограниченность в **безграничность**, **естественную смерть** в **убийство**
(или **самоубийство**),
Золото (как знак мистической одарённости) в **Деньги**.³¹

Всего, что стоит с левой стороны, добиться трудно: например, очень трудно подарить человеку жизнь, найти любовь, создать высококачественные произведения и – наоборот – очень легко убить человека, разрушить любовь, произвести много низкокачественных товаров и т.п. Слева направо перепрыгнуть легко, справа налево – невозможно (например, воскресить убитого, сделать из большого количества товаров низкого качества один шедевр).

Но есть одна ценность, которой почти мы все обладаем и которая служит мостом между левыми и правыми ценностями, так, что даже те люди, которые не собирались переходить слева направо, всё-таки туда съезжают. Эта ценность называется **ВРЕМЯ**.

ОБМАН КАЩЕЯ

Как часто повторяется эта поговорка:
Время-Деньги.

Это выражение заключает в себе ловкий и коварный обман, потому что оно подразумевает равноценность времени и денег. Но если одна денежная единица полностью равноценна другой такой же единице (1 рубль равен одному рублю), то один час никогда не равен другому часу. Очень часто полнокровные часы, когда мы полны свежих сил и энергии, продаются в надежде получить за них другие часы. Но в действительности эти *лично* драгоценные мгновения отдаются в обмен на в высшей степени *безличное* средство – на деньги. И потом мы можем за эти деньги купить время – но что за время? Часто это время оказывается пустым и усталым, бескровным, не способным обрадовать душу.

И всё-таки благодаря этому обману Кашею удалось перетянуть почти всех на свою сторону, так, что всё истинное, настоящее, чем мы обладаем или чем мы являемся, превращается в пустую шелуху, в черепки разбитых сосудов. А Богиня считает, что там, где нет места настоящей любви, и вся природа не может расти и плодоносить, а поэтому и вся земля не может продолжать своё существование.

Поэтому для того, чтобы спасти землю, она не может дать нам никакого другого совета, кроме как уничтожить ту систему ценностей, которую воплощает Кашей, и возведённую на этой системе ценностей конструкцию миропорядка – хотя Кашей считается «бессмертным» и в открытом честном бою, лицом к лицу, его победить невозможно.

Но те средства, которые богиня даёт героям в сказках, находятся в зашифрованном состоянии – и нам нужно расшифровать этот ребус, чтобы победить Кашея. Эта расшифровка могла бы стать целой наукой, а ещё точнее – искусством, которое требует много знаний и ловкости. Я приглашаю всех, для кого важно сохранить нашу мать землю, принять участие в этой работе.

ПОСТСКРИПТУМ

P.S. О том, что осуществление другой власти, лишённой кашейских атрибутов, действительно возможно в реальной жизни, показывается в документальном фильме *Четвёртая революция*, который вышел на экраны в Австрии 16-го апреля 2010. Революция, о которой говорится в этом фильме – это революция получения энергии из обновляемых источников (превращение солнечной энергии и энергии ветра в электрическую энергию). При таком способе получения энергии огромные концерны, которые качают нефть, газ, добывают уголь или/и расщепляют атомное ядро, оказываются ненужными, отпадают сами собой за ненадобностью, как пустая шелуха. А человек, получающий необходимую ему энергию на крыше собственного дома, приобретает власть над своей жизнью, не запятнанную такими кашейскими «добродетелями», как отчуждённость, заменяемость, безликость, ориентация на количество, а не на качество, ненасытная и безграничная жадность. Эта власть

обеспечивать необходимым себя и свою семью не чахнет ни над каким «златом». Не надо нападать на губительные для нашей Земли концерны, не надо ни за кем из негодяев охотиться, не надо устраивать акты саботажа, достаточно только перестать в них нуждаться. Так сбывается предсказание о том, что смерть Кашея – не в нём самом.

«...была некая страна, и ту страну агаряне завоевали, и всех жителей они мучили и убивали; и что ни делали жители, освободить себя никак не могли. И появившись тут между теми жителями святая девственница; взяла она меч великий, латы на себя возложила двухпудовые, пошла на агарян и всех их прогнала за море»³².

Pps. В полный рост фигура Кашея – уже вполне, во всей своей «красе» воплотившегося – выступает (вырастает) из слов доклада австрийской исследовательницы патриархата Клавдии фон Верлхоф, прочитанного буквально на днях – 29-го мая этого года.³³ Ссылаясь на книгу лауреата альтернативной нобелевской премии Розали Бертелль,³⁴ Клавдия говорит:

«Когда читаешь Бертелль, прежде всего бросается в глаза патриархальный характер того, как милитаристы проводят свои исследования и какие основные идеи они при этом преследуют. Можно сказать, что для них главное в том, чтобы Землю – всю планету в целом – покорить как женщину, взять за плотку, изнасиловать, подвергнуть мужскому контролю и, сверх того, превратить в нечто, не обладающее ни настоящей самостоятельностью, ни собственной властью. В критической теории патриархата мы называем это «творчеством из разрушения»,

которое в этом случае должно привести к тому, чтобы Землю как планету и так называемый хаос вместе с присущим ему порядком сначала «убить», на языке алхимии «мортифицировать», а затем в «большом труде» перетворить в якобы более высокостоящую фантастическую (порождённую фантазией) машинообразную систему, которую по своему усмотрению можно манипулировать, которую можно включать и выключать. По словам милитаристов это – «способность Земли стать системой» („Systemfähigkeit der Erde“)! Я называю этот подход типично «алхимическим», ведь идея всякой патриархальной алхимии со времён античности – это самовольное новотворчество и якобы возможное «более высокое» сотворение материи и жизни так называемыми «отцами», которые хотят заступить на место матерей и оправдывают это тем, что они создадут лучшее творение, помогая природе достичь более высокого развития, к которому она сама якобы стремится.

Цель это – послушание! Эта мысль до сих пор оправдывала любое насилие против женщин и природы. Логично, что теперь пришла очередь Земли как планеты, после того, как жизнь на ней, в ней и над ней уже попала в тиски современной техники и её трансформационных проектов. Теперь речь идёт буквально обо всём!

Алхимия означает действовать божественно, да, быть как Бог и, в конце концов, самому стать Богом. Вера в технику – основа этого. Именно так и чувствуют себя милитаристы, с уверенностью можно сказать: буквально всемогущими! Ведь они царят с их точки зрения над самым большим из всех живых существ: над самой планетой».

Когда читаешь эти слова, невольно возникают ассоциации с чем-то уж слишком знакомым: тут и «большой скачок» китайской культурной революции, тут и «убивать». Убивать-то право имеет?» Сонечки Мармеладовой в ответ на невнятные бормотания Раскольникова про то, что он только хотел узнать, «имеет ли он право» (перевод с кашейского языка, с этого невероятного «мортифицировать»)! Но прежде всего возникает «де же вю» у того поколения, которое всё ещё не забыло слова знаменитого «Интернационала»:

«Весь мир насилья мы разрушим До основанья, а затем Мы свой, мы новый мир построим...» – буквально. Одно только слово вываливается из этой строфы и не совпадает, не хочет совпадать с общим смыслом уже сказанного в докладе Клавдии и про «геоинженерию», и про Кашея со всеми его погонами и орденами: «Интернационал» призывает разрушить мир насилья. А описанные Розали Бертелль Кашеи надеются насадить как раз абсолютное насилие – что подразумевает абсолютное послушание. И это заставляет нас подскочить

и навести уши: послушание – это то самое качество, о котором мы, перечисляя навязываемые нам Кощеем «добродетели», кажется, забыли – а без него не было бы ни одного тоталитарного режима.

-
- 1 А.Н. Малаховская, *Возвращение к Бабе-Яге* (СПб, 1993); А.Н. Малаховская, «Апология Бабы-Яги», *Преображение*, №2, 1994; А.Н. Малаховская, «Следы религиозных представлений, отражённых волшебной сказкой, в романе Достоевского «Преступление и наказание», выступление на симпозиуме, посвящённом творчеству Достоевского, IX. Internationales Dostojevskij Symposium Kartause Gaming, Juli-August 1995; А.Н. Малаховская, «Преломление образа Кощея Бессмертного в романах Достоевского», выступление на симпозиуме, посвящённом творчеству Достоевского, в С.Петербурге, ноябрь 1996; А.Н. Малаховская, *Возвращение к Бабе-Яге*, вторая редакция (СПб.: Алетея, 2004); А. Н. Малаховская, *Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке, и их следы в русской литературе 19-20 вв.* (СПб.: Алетея, 2006); Natalia Malachowskaja, «Mythological Aspects of Contemporary Russian Women's Literature», *Labyrint zenskeho literarniho sveta, Sbornik z mezinarodni konference* (Praha, 2007), p.224-231; Natalia Malachowskaja, «Jeanne d'Ark et la Vierge guerriere dans les contes et la litterature russes», *Bulletin de l'Association des Amis de Jeanne d'Ark et Charles Pegny*, Orleans, Decembre 2009, p. 41-47.
 - 2 Ф. Тютчев, *Стихотворения* (Петрозаводск: Карелия, 1983), с.119.
 - 3 Ф.М. Достоевский, *Преступление и наказание* (Минск: Юнацтва,1983), с. 438.
 - 4 В.Я. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки* (Л. изд-во ЛГУ, 1986), с.75.
 - 5 Там же, с.76.
 - 6 Jack Holland, *Mysogeny. The World's Oldest Prejudice*, bei Robinson, (Constable & Robinson Ltd., London, 2006), p.128-131,134.
 - 7 Olympe de Gouges.
 - 8 А.Н. Малаховская, «Апология Бабы-Яги».
 - 9 Там же, с. 28-29.
 - 10 *Goettner-Abendroth Heide. Die Goettin und Ihr Heros. Frauenoffensive*, Muenchen, 1984, S.17,20:»Все три ипостаси вместе составляют единое Божество, их нельзя вполне отделить друг от друга. Это – матриархальная Великая Богиня, первая троица».
 - 11 О. Perianez-Chaverneff, «Analyse ethnopsychiatrique de la Baba-Jaga: Apport A L'ethnogenese des Slaves», *Revue des Etudes Slaves*, Tome cinquante-cinquieme (Fascicule 1. Paris, 1983), p. 186–187.

- 12 В.Я. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки*, с. 52. Пропп оговаривается, что «часто ягой названы персонажи совсем иных категорий — например, мачеха», в то время, как «типичная яга названа просто старушкой, бабушкой-задворенкой и т. д.» (там же). Я придерживаюсь того же принципа, о котором пишет здесь Пропп, называя Бабой-Ягой стоящую в центре сказочного повествования старуху, даже если в самом сказочном тексте она называется по-другому.
- 13 Там же, с.111.
- 14 А. Н. Малаховская, *Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке, и их следы в русской литературе 19-20 вв.*, с.71
- 15 В.Я. Пропп, *Исторические корни волшебной сказки*, с.58.
- 16 *Народные русские сказки А.Н. Афанасьева в трёх томах*, т. 1 (М, 1957), с.432.
- 17 Там же, «глупая баба» – стр.367, «дура-баба» стр.373 .
- 18 Там же, с.358-375.
- 19 Там же, с.377.
- 20 Там же, с.360.
- 21 А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*, т. 4 (Л., АНСССР, 1948), с.6.
- 22 А. Н. Малаховская, *Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке, и их следы в русской литературе 19-20 вв.*, с.245-252.
- 23 А.С. Пушкин, *Полное собрание сочинений*, т. 4 (Л., АНСССР, 1948), с.113.
- 24 А. Н. Малаховская, *Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке, и их следы в русской литературе 19-20 вв.*, с.252-262.
- 25 Heide Goettner-Abendroth, *Die Goettin und Ihr Heros*, p. 45.
- 26 А.С. Пушкин, «Сказка о царе Салтане», *Полное собрание сочинений*, т. 3 (Л., АНСССР, 1948), с.525-526 .
- 27 А. Н. Малаховская, *Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке, и их следы в русской литературе 19-20 вв.*, с. 51, 104, 107.
- 28 Фильм *Tatort: Tango fuer Borowski*, (Hanno Salonen, 2010).
- 29 А. Н. Малаховская, *Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке, и их следы в русской литературе 19-20 вв.*, с.86-94.

- 30 «Это девяностолетний почти старик, высокий и прямой, с иссохшим лицом, со впалыми глазами, но из которых ещё светится, как огненная искорка, блеск... Он хмурит седые брови свои, и взгляд его сверкает зловещим огнём. Он простирает перст свой и велит стражам взять его» (т.е. Христа – Н.М.): Ф. М. Достоевский, *Братья Карамазовы* (М.: Худ.лит., 1985), с. 163.
- 31 А. Н. Малаховская, *Наследие Бабы-Яги: религиозные представления, отразившиеся в волшебной сказке, и их следы в русской литературе 19-20 вв.*, с. 251.
- 32 И. С. Тургенев, *Собрание сочинений*, т.1 (М.: Худ.лит 1953), с. 427.
- 33 Claudia von Werlhof, Ausrufung der „Planetaren Bewegung für Mutter Erde“ Internationaler Goddess-Kongress „Politik und Spiritualität“ Schloss Hambach, 29.5.2010.
- 34 Rosalie Bertell, *Planet Earth. The Latest Weapon of War* (London: The Women's Press, 2000).